

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36

EDN: UYWWUY

Научная статья / Research article

Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА

С.А. Бокерия , А.Р. Андропова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. В центре гуманитарной деятельности международного сообщества сегодня находится подход, ориентированный на пострадавших. Различные формы сексуального насилия рассматриваются не только как сопутствующие насилию, но и как инструмент давления и ведения боевых действий противоборствующими сторонами в условиях вооруженного конфликта. В этой связи меры по предотвращению и противодействию таким актам были включены в мандаты миротворческих миссий ООН. Цель данного исследования заключается в определении логики поведения международного сообщества в контексте противодействия сексуальному насилию в условиях конфликта путем укрепления миротворческих инициатив, а также в дополнении результатов современных исследований по защите женщин в вооруженных конфликтах и ситуациях сексуального насилия. Указанная цель обуславливает последовательное изучение всех элементов существующей системы: правовой базы, роли государств и деятельности ООН. Для отслеживания концептуальных терминологических изменений авторами был проведен контент-анализ резолюций Совета Безопасности ООН (СБ ООН) по данной проблеме. Одновременно для определения основных противоречий в риторике государств и, следовательно, мотивов их действий авторами был применен кластерный анализ дискурса на основе выступлений делегаций на полях СБ ООН. Полученные кластеры содержат страны с наиболее схожим подходом к изучаемой проблеме, что позволило выделить три уникальные позиции государств, основанные на различиях в понимании самого термина сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта, выделении категории жертв такого насилия и релевантных инструментов противодействия. Акцент может быть сделан на включении сексуального насилия в санкционный список, гендерном образовании в рамках военной подготовки, увеличении числа женщин в миротворческих и миростроительных миссиях или превентивных мерах. Авторы определили наиболее активные государства, продвигающие повестку дня по борьбе с сексуальным насилием, среди которых Германия, Великобритания, США, Канада и Франция. Также рассмотрена практическая реализация миротворческих мандатов ООН в условиях включения в них мер по противодействию сексуальному насилию. Исследование подтверждает, что миротворческие миссии активно включены в международный ответ на рассматриваемую форму сексуального насилия.

Ключевые слова: сексуальное насилие, вооруженный конфликт, миротворчество, человеческая безопасность

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01195).

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

© Бокерия С.А., Андропова А.Р., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бокерия С. А., Андропова А. Р. Логика международного ответа на повестку дня по борьбе с сексуальным насилием в условиях вооруженного конфликта на примере МИНУСКА // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 20—36. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36>

The Logic of International Response to Anti-Violence and Sexual Integrity Agenda in Violent Conflict: Case of MINUSCA

Svetlana A. Bokeriya , Anastasiia R. Andronova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. A survivor-centered approach is at the heart of the international community's humanitarian action today. In armed conflicts various forms of sexual violence are seen not only as accompanying violence, but also as a tool of pressure and warfare of the contesting parties, and important measures to prevent and counteract such acts have been included into the mandates of the UN peacekeeping missions. This research aims to identify the logic of international community's action to counter conflict-related sexual violence (CRSV) by strengthening peacekeeping initiatives, and complement ongoing research on the protection of women in armed conflict and situations of sexual violence. This goal entails an examination of all elements of the existing system: legal framework, the role of states, and the activities of the UN. The authors conducted a content analysis of the UN Security Council resolutions on the topic to trace conceptual terminological changes. At the same time, to identify the main contradictions in the rhetoric of states and, consequently, the motives of their actions, a discourse cluster analysis was used based on the statements of delegations in the UN Security Council. The resulting clusters display three unique positions of the national states that are mostly explained by different understandings of the term itself, the categories of victims of such violence, and the relevant tools for countering it. Emphasis could be placed on including sexual violence on the sanctions list, gender education in military training, increasing the number of women in peacekeeping and peacebuilding missions, or preventive measures. The authors identified the most active states pushing the anti-sexual violence agenda; they include Germany, the UK, the US, Canada, and France. The article also examines the practical implementation of UN peacekeeping mandates in terms of including measures to counteract sexual violence. The research confirms that peacekeeping missions are now more actively engaged in the international response to CRSV.

Key words: conflict-related sexual violence, violent conflict, armed conflict, peacekeeping, human security

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01195).

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Bokeriya, S. A., & Andronova, A. R. (2023). The logic of international response to anti-violence and sexual integrity agenda in violent conflict: Case of MINUSCA. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(1), 20—36. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-20-36>

Введение

В гуманитарных исследованиях под сексуальным насилием понимаются акты насилия, каким-либо образом затрагивающие половые или репродуктивные органы, то есть включают такие формы, как изнасилование, пытки, увечья, принудительная беременность, сексуальное рабство, принудительные и

детские браки, запрет на использование контрацептивов и т. д. (Buss, 2017). Кроме того, сексуальное насилие рассматривается как неотъемлемая часть любого вооруженного конфликта (внутри- или межгосударственного), некоторые ученые даже называли такое насилие «хронической болезнью» (Ебое-Osujі, 2012, pp. 203—220).

В рамках гендерного подхода ученые выделяют две «метафоры», которые способствуют включению проблемы сексуального насилия в международную политическую повестку дня, — концепции «видеть» и «делать видимым». Первая — более проста и направлена на повышение важности проблемы и ее применимости к военным действиям. Вторая — концентрируется на анализе проблемы и вооруженного конфликта и строится на нескольких вопросах: «кто видит, кого видит, что видят и как?» (Sorolon, 2011).

В статье исследуется логика действий международного сообщества в решении проблемы сексуального насилия в условиях конфликта в контексте укрепления и реализации миротворческих инициатив. В более ранних исследованиях доказано, что миротворчество является довольно успешным инструментом защиты гражданского населения от летального насилия (Bove & Ruggeri, 2016; Hultman, Kathman & Shannon, 2013; Kathman & Wood, 2016), однако сексуальное насилие в условиях конфликта имеет иную природу. Оно не может быть искоренено с помощью тех же инструментов, что и акты летального насилия (Gutiérrez-Sanín & Wood, 2017). Недавние исследования также выявили условия, которые позволяют миротворцам действовать наиболее эффективно: наличие мандата и предотвращение насилия со стороны вооруженных субъектов (Johansson & Hultman, 2019). Кроме того, было выявлено, что социально-экономическая и политическая маргинализация женщин является общей чертой в (пост)конфликтных условиях (Cohen, 2013).

Резолюция Совета Безопасности ООН 1325 (UNSCR 1325)¹, призывающая к увеличению представительства женщин, в том числе в миротворческой деятельности и постконфликтном восстановлении, оказала значительное влияние на включение гендерной по-

¹ Security Council resolution 1325 on Women and peace and security // United Nations and the Rule of Law. 2000. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/security-council-resolution-1325-2000-on-women-and-peace-and-security/> (accessed: 03.09.2022).

вестки дня в миротворческие операции. Возможность принятия «гендерного» мандата напрямую связана с уровнем сексуального насилия: чем он выше, тем больше вероятность того, что миссия будет иметь гендерное измерение (Kreft, 2016). Ряд исследователей также считают, что эффективного контроля поведения нельзя достичь только с помощью внешних стимулов (то есть денежных или нематериальных поощрений и наказаний) (Green, 2016). В то же время повестка дня «Женщины, мир и безопасность» обычно критикуется исследователями феминистской традиции за то, что в рамках этой повестки женщины рассматриваются как жертвы насилия, а не лица, участвующие в изменении и решении проблемы (Kreft, 2019; Karim & Beardsley, 2015).

Данная статья отвечает на вопросы, как и почему международное сообщество решает проблему сексуального насилия в вооруженных конфликтах с помощью операций по поддержанию мира. Авторы сосредоточили внимание на резолюциях Совета Безопасности ООН (СБ ООН) о сексуальном насилии, принятых в 2008², 2009³, 2010⁴, 2013⁵ и 2019 г.⁶, и их результатах.

² Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

³ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

⁴ Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022).

⁵ Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // UN Security Council. June 24, 2013. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2106\(2013\)](https://undocs.org/en/S/RES/2106(2013)) (accessed: 03.09.2022).

⁶ Resolution 2467 (2019) Adopted by the Security Council at its 8514th meeting, on 23 April 2019 // UN docs. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/118/28/PDF/N1911828.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

Правовая база ООН, направленная на решение проблемы сексуального насилия в условиях конфликта

Сексуальное насилие в вооруженных конфликтах впервые было выделено в отдельную повестку дня в 2008 г. после принятия резолюции 1820 СБ ООН⁷. В последующее десятилетие страны пытались решить этот вопрос как путем расширения правового поля (в настоящее время существует пять резолюций по этому вопросу), так и в рамках широких дискуссий на площадке специальных Открытых дебатов⁸. До 2008 г. исследуемый вопрос рассматривался в более общих резолюциях по вопросам женщин, мира

⁷ Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

⁸ С момента принятия резолюции Совета Безопасности 1325 в 2000 г. Совет Безопасности ООН ежегодно (обычно в месяц годовщины принятия резолюции — в октябре) собирается для обсуждения вопросов, касающихся повестки «Женщин, мира и безопасности». Открытые заседания начинаются с ежегодного доклада Генерального секретаря по вопросам повестки «Женщины, мир и безопасность». Во время заседания Совет заслушивает сообщения докладчиков, членов Совета Безопасности и других государств-членов. Зачастую ежегодное заседание завершается разработкой итогового документа. Докладчиками обычно являются Генеральный секретарь, директор-исполнитель Структуры «ООН-женщины», представители других специализированных учреждений ООН и наиболее важный докладчик — представитель гражданского общества, избираемый Рабочей Группой НПО по вопросам женщин, мира и безопасности (NGOWG). Заявление гражданского общества разрабатывается защитником Международного женского союза за мир и свободу (WILPF), другими членами коалиции и офисом Рабочей Группы НПО по вопросам женщин, мира и безопасности. В состав спикеров гражданского общества входят представители, учувствовавшие в различных конфликтных ситуациях. Перед открытым заседанием Генеральный секретарь представляет отчет с анализом, обновлениями и рекомендациями. Совет Безопасности может решить принять меры в соответствии с этими рекомендациями путем принятия резолюции, заявления председателя или пресс-релиза. По итогам заседаний Совета Безопасности было принято 10 резолюций по вопросам, касающимся женщин, мира и безопасности.

и безопасности (главным образом в руководящей резолюции СБ ООН 1325).

Как показывает анализ концептуального содержания принятых резолюций, первоначальный термин со временем претерпел изменения от понятия «сексуальное насилие» до «сексуальное и гендерное насилие» и расширил сопутствующие элементы. Для терминологического анализа были отобраны ключевые термины, составляющие семантическое ядро. С нашей точки зрения, они лучше всего иллюстрируют взгляды государств на а) семантику центрального термина; б) значение миротворческих миссий в данном контексте; в) основные методы противодействия; г) обращение с жертвами сексуального насилия во время конфликта (табл. 1).

Термин «гендерное насилие» в последние годы используется все чаще, хотя в сравнении с термином «сексуальное насилие» частота его употребления не так высока. Наблюдается также диверсификация смыслов по отношению к тем, кто оказался в ситуациях насилия. Последний фактор особенно учитывается при разработке будущих программ действий. Постконфликтным ситуациям уделяется все больше внимания в резолюциях, притом отмечается рост значимости превентивных мер. Вопрос сексуального насилия при выполнении миротворческих мандатов был наиболее четко сформулирован в Резолюции 1888, которая одновременно установила мандат Специального представителя⁹. Более того, согласно заявлениям государств — членов ООН на Открытых дебатах и Предварительных дебатах, подтверждена эффективность внедрения программы борьбы с сексуальным насилием в миротворческие миссии¹⁰.

⁹ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

¹⁰ Security Council Open Debate on Women, Peace and Security, October 2009 // Women's International League for Peace and Freedom. October 5, 2009. URL: <http://www.peacewomen.org/security-council/security-council-open-debate-women-peace-and-security-october-2009> (accessed: 03.09.2022).

Таблица 1

Контент-анализ резолюций Совета Безопасности ООН о сексуальном насилии в условиях конфликта

Слово / Резолюция		Резолюция СБ ООН 1820 (2008 г.)	Резолюция СБ ООН 1888 (2009 г.)	Резолюция СБ ООН 1960 (2010 г.)	Резолюция СБ ООН 2106 (2013 г.)	Резолюция СБ ООН 2467 (2019 г.)
Число знаков (без пробелов)		10811	18338	13121	14738	30877
Число страниц		5	7	5	6	10
a	сексуальное насилие	33	49	45	47	88
	сексуальное и гендерное насилие	0	0	1	3	7
b	ООН	12	26	14	14	20
	миротворчество	6	12	8	3	3
c	имплементация	2	6	2	12	12
	предотвращение	4	1	2	3	10
	расширение прав и возможностей женщин	0	2	0	0	4
d	гражданское лицо	14	16	8	6	8
	пострадавшие	0	1	0	7	17
	жертва	2	4	2	2	14
	ребенок (дети)	4	14	8	5	14

Источник: составлено авторами на основе: Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022); Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // UN Security Council. June 24, 2013. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2106\(2013\)](https://undocs.org/en/S/RES/2106(2013)) (accessed: 03.09.2022); Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // UN docs. 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022); Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022); Resolution 2467 (2019) Adopted by the Security Council at its 8514th meeting, on 23 April 2019 // UN docs. 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/118/28/PDF/N1911828.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

Мандаты ООН, закрепленные в резолюциях СБ ООН

Резолюция СБ ООН 1888 (2009 г.)¹¹ установила мандаты Офиса Специального представителя Генерального секретаря по сексуальному насилию в конфликтах (который руководит действиями ООН против сексуального насилия в конфликтах) и Группы экспертов по вопросам верховенства права и сексуального насилия в конфликтах (далее — «Группа»). Последняя играет важную роль для Бюро Специального представителя в оказании помощи правительствам в выполнении их обязательств. Кроме того, данная резолюция положила начало командированию со-

ветников по вопросам защиты женщин в миротворческие миссии. Такие нововведения свидетельствовали о том, что мировое сообщество теперь признает сексуальное насилие в условиях конфликта как проблему мира и безопасности, а не просто продукт гендерного неравенства.

Офис Специального представителя Генерального секретаря по сексуальному насилию в условиях конфликта отвечает за обеспечение последовательного и стратегического руководства, укрепляя существующие координационные механизмы ООН и участвуя в информационно-пропагандистской работе с правительствами, включая военных и судебных представителей, все стороны вооруженного конфликта (то есть государство и негосударственные вооруженные группы) и различные органы гражданского общества. Основным инструментом для достижения

¹¹ Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // UN docs. 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.09.2022).

этих целей является принятие совместных коммюнике или рамочных соглашений о сотрудничестве со странами-членами¹² или различными институтами¹³, включающих конкретные шаги национальных правительств по выполнению своих международных обязательств по борьбе с сексуальным насилием в условиях конфликта.

В этом контексте работа Группы экспертов имеет особое значение, поскольку она сосредоточена на оказании помощи национальным институтам в следующих областях, связанных с изучаемой проблемой:

- 1) уголовные расследования и преследования;
- 2) военная юстиция;
- 3) законодательная реформа;
- 4) защита жертв и свидетелей;
- 5) возмещение ущерба пострадавшим;
- 6) надзор за сектором безопасности¹⁴.

Группа имеет межведомственный характер, объединяя экспертов из Департамента операций по поддержанию мира (ДОПМ), Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и Программы развития ООН. Такой подход позволяет одновременно работать в рамках международных межправительственных организаций и напрямую взаимодействовать с миротворческими миссиями. Еще один институт, уполномоченный

учитывать вопросы сексуального насилия в политике, проведении операций и поддержке миротворческих и специальных политических миссий ООН, — советники по защите женщин при советниках по гендерным вопросам и подразделениях по правам человека.

Согласно данному подходу, ООН рассматривает сексуальное насилие не как побочный вопрос, а как проблему, которая непосредственно включена в мандаты различных миссий по поддержанию мира и миростроительству. Ввиду сложной и противоречивой природы этого явления меры по предотвращению и решению проблемы сексуального насилия разрабатываются с учетом конфликтной ситуации в стране, где развернута миссия.

Для понимания ситуации в странах, подверженных конфликтам, резолюция СБ ООН 1960 утвердила создание Института механизмов мониторинга, анализа и отчетности (MARA)¹⁵, который обеспечивает анализ актуальной информации о сексуальном насилии, включая изнасилования. Полученные данные служат основой для разрабатываемых впоследствии ответных мер. На глобальном уровне за реализацию и выполнение этого мандата отвечает Специальный представитель Генерального секретаря по вопросам сексуального насилия в условиях конфликта, а на национальном уровне — Специальный представитель Генерального секретаря (там, где есть миротворческие или политические миссии) или координатор-резидент / координатор по гуманитарным вопросам (там, где нет миротворческих или политических миссий). Тем не менее, несмотря на участие в процессе сбора информации как правительственных учреждений, так и институтов гражданского общества, отмечается дефицит достоверных данных, поскольку жертвы насилия, испытывая стыд или опасаясь стигматизации со стороны общества, шантажа или принуждения к молчанию, нередко предпочитают скрывать преступление.

¹² См., например: Communiqué conjoint entre la République centrafricaine et l'Organisation des Nations Unies: Prévention et lutte contre les violences sexuelles liées au conflit // L'ONU. 31 Mai 2019. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2019/05/joint-communication-of-the-central-african-republic-and-the-united-nations-on-prevention-and-response-to-crvs/20190531-Joint-Communique-of-Govt-of-CAR-and-UN.pdf> (accessed: 03.09.2022).

¹³ См., например: Framework of Cooperation Agreement // Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. June 18, 2021. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2021/06/frameworks-doc/framework-of-communication-of-the-inter-parliamentary/Framework-of-Cooperation-OSRSG-SVC-IPU.pdf> (accessed: 03.09.2022).

¹⁴ Teams of Experts Annual Report 2017 // Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. August 1, 2017. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/report/team-of-experts-annual-report-2017/> (accessed: 03.09.2022).

¹⁵ Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // UN Security Council. December 16, 2010. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1960\(2010\)](https://undocs.org/en/S/RES/1960(2010)) (accessed: 03.09.2022).

Подходы государств к борьбе против сексуального насилия в конфликтах

Чтобы понять мотивы и отношение стран к сексуальному насилию в условиях конфликта, был проведен анализ заинтересованности стран в продвижении этого вопроса. В ходе анализа было охвачено 13 событий, включая участие стран в 8 Открытых дебатах СБ ООН по сексуальному насилию в условиях конфликта и пяти дебатах, предшествовавших принятию резолюций СБ ООН, начиная с 2008 г., когда была принята первая резолюция 1820 СБ ООН, и заканчивая 2019 г., когда эти вопросы обсуждались в связи с 10-й годовщиной мандата Специального представителя. Каждое из 193 государств — членов ООН получало 1 балл за участие в открытых дебатах, составление будущих резолюций или, в некоторых случаях, за инициативу в обсуждении вопроса. Анализ не включает качественное исследование (анализ национальных стратегий, финансирования Фонда в поддержку жертв сексуальной эксплуатации и насилия и т. д.), так как авторы

стремились выяснить, какая из стран больше заинтересована в продвижении исследуемой повестки дня. Было решено прибегнуть только к однобалльной системе, чтобы получить наиболее наглядные первичные результаты. Такой подход обеспечил отсутствие слишком больших различий между странами, учитывая ограниченный состав Совета Безопасности ООН. Государства с наивысшими баллами (от 9 до 18) отражены на карте (рис. 1). Такая визуализация позволяет отразить заинтересованность стран в рассматриваемой проблеме.

Есть только три страны, которые набрали сразу все 3 возможных балла: США, Великобритания и Германия. Они были инициаторами трех заседаний в 2008, 2013 и 2019 гг. соответственно. Однако важно отметить, что и Перу было инициатором Открытых дебатов 16 апреля 2018 г., но эта страна только однажды участвовала в разработке резолюции СБ ООН в 2009 г. и не принимала активного участия в дебатах по сексуальному насилию до 2018 г.

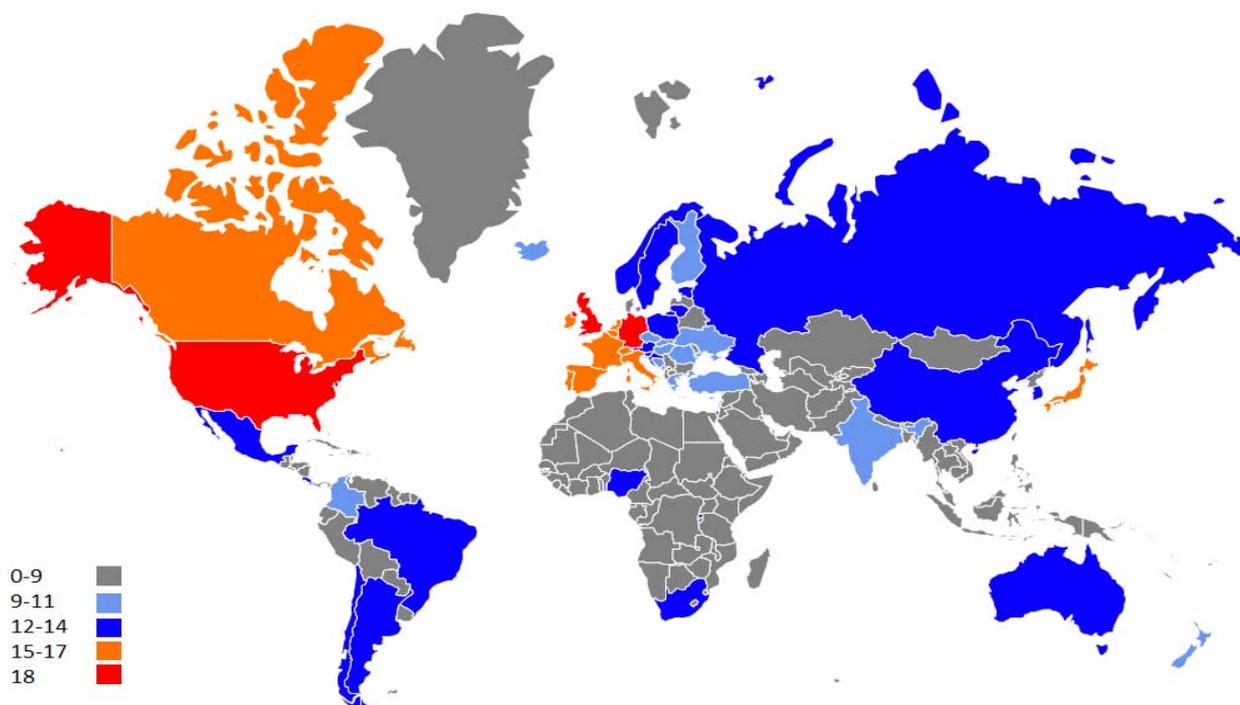

Рис. 1. Участие государств — членов ООН в продвижении проблемы сексуального насилия в конфликтах через Открытые дебаты

Примечание. Авторы проанализировали записи заседаний Совета Безопасности ООН по вопросам сексуального насилия в вооруженных конфликтах в 2008—2019 гг.

Источник: составлено авторами на основе: UN Security Council Meeting Records // Security Council Report. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/security-council-meeting-records/page/1 (accessed: 03.09.2022).

Как показал анализ, за последние 5 лет количество стран, вовлеченных в повестку сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта, увеличилось. Важно отметить, что вовлеченность стран возрастала с каждым годом. В 2019 г. практически все государства — члены ООН проявили интерес к продвижению повестки. Страны постепенно признают необходимость более специализированного подхода к этой проблеме. Однако чем выше это осознание, тем больше разногласий на этом пути.

Полученные результаты неожиданно подтверждают, что государства Африки и Ближнего Востока в относительно меньшей степени вовлечены в переговоры о сексуальном насилии, связанном с конфликтами. Эти выводы удивительны, поскольку, согласно данным, собранным мониторинговым агентством ООН, именно конфликты в этих странах сопровождаются высоким уровнем сексуального насилия¹⁶. Во время последних дебатов в 2019 г. представители африканских государств активно излагали свою точку зрения по этому вопросу. Средний балл, выставленный африканским странам, — 7, в то время как государства Ближнего Востока получили только 3 (лишь Сирия была достаточно активна и набрала 7 баллов). Можно предположить, что низкий уровень активности в арабском мире обусловлен культурными и конфессиональными факторами. В большинстве случаев государства с преобладающим мусульманским населением в рамках своей позиции подчеркивали роль религиозных деятелей в процессе предотвращения сексуального насилия и необходимость решения этого вопроса путем внутреннего регулирования.

Турция получила 11 баллов. Единственный раз она составляла проект резолюции в 2008 г. Турция отстаивала свою позицию, ссылаясь на Стамбульскую конвенцию¹⁷ и

указывая на ситуацию в Сирии и Мьянме, а также настаивая на необходимости укрепления национальных судебных систем. Предсказуемо, что основной проблемой для Турции в этом отношении был терроризм. Однако следует отметить, что в марте 2021 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган объявил о выходе Турции из Стамбульской конвенции¹⁸. Это событие вызвало широкую общественную реакцию, включая протесты феминисток, которые активно отстаивали свои права и права меньшинств в стране¹⁹. Причиной выхода стали содержащиеся в конвенции «неоднозначные определения», о чем также заявляла Российская Федерация²⁰.

Кластеризация стран по методу К-средних

Чтобы понять существующую систему противодействия сексуальному насилию, необходимо провести анализ того, почему эта система была разработана и как ее можно улучшить. Были изучены позиции всех 90 государств, участвующих в заседании СБ ООН 8649 в 2019 г.²¹ Встреча совпала с 10-й годовщиной мандата Специального представителя и стала крупнейшей встречей по данному вопросу. Для выявления существующих подходов были отобраны государства,

of-europe-convention-on-preventing-and-combating-violence-against-women-and-domestic-violence (accessed: 03.09.2022).

¹⁸ Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence // Council of Europe. May 11, 2011. URL: <https://rm.coe.int/168008482e> (accessed: 03.09.2022).

¹⁹ См.: WATCH: Hundreds protest in Istanbul as Erdogan withdraws Turkey from international treaty protecting women's rights // Russia Today. July 2, 2021. URL: <https://www.rt.com/news/528185-istanbul-convention-withdrawal-protests/> (accessed: 03.09.2022); Women protest Erdogan's withdrawal from Istanbul Convention on gender-based violence // France24. June 19, 2021. URL: <https://www.france24.com/en/europe/20210619-women-protest-erdogan-s-withdrawal-from-istanbul-convention-on-gender-based-violence> (accessed: 03.09.2022).

²⁰ Conflict-related sexual violence: Report of the Secretary-General // United Nations Digital Library. 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3799661> (accessed: 03.09.2022).

²¹ Ibid.

¹⁶ Gender Statistics // UN Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/gender/vaw/> (accessed: 03.09.2022).

¹⁷ The Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention) // Council of Europe. 2012. URL: <https://www.coe.int/en/web/gender-matters/council->

пожелавшие принять участие в обсуждении итоговой резолюции СБ ООН. «Позиция» страны определялась на основе дискурсивного анализа выступлений делегации на заседании. Нами выделено шесть основных линий противоречий, по которым была реконструирована позиция страны: 1) интерпретация термина; 2) основные проблемы, связанные с сексуальным насилием в условиях конфликта; 3) жертвы/пострадавшие от актов сексуального насилия; 4) базовый уровень действий; 5) причины, провоцирующие акты насилия; 6) основные институты, участвующие в решении проблемы. Некоторые страны (например, Индия) настаивают на поливариантности термина, поэтому их позиция не может быть воспринята однозначно. Такие страны все же были отнесены к определенной категории в зависимости от того, что доминировало в риторике их делегации. Некоторые страны представляли не только свою собственную позицию, но и позицию других государств. Например, делегация Канады выступала дважды (от своего имени и от имени 50 других государств). При определении позиции учитывалось только выступление Канады от своего имени.

Интерпретация термина

В данном параграфе раскрывается, какой смысл каждое государство вкладывает в понятие «сексуальное насилие в условиях вооруженного конфликта». Формы сексуального насилия могут существенно различаться. В некоторых конфликтах отмечаются такие его формы, как сексуальное рабство или нападение на женщин из определенных групп во время этнических или политических конфликтов; в других — сексуализированные попытки лиц, подозреваемых в сотрудничестве с повстанцами, тогда как в некоторых конфликтах имеют место все или почти все формы сексуального насилия (Wood, 2008; 2014). В рамках этого пункта были выделены восемь фраз, использованных государствами-членами для характеристики сексуального насилия в условиях конфликта: «1» — преступление против человечности или акт

геноцида; «2» — оружие/средство/тактика/стратегия войны; «3» — обычное преступление; «4» — нарушение прав человека; «5» — гендерное насилие; «6» — инструмент терроризма; «7» — инструмент угнетения и запугивания народов; «8» — военное преступление.

Проблемы, связанные с сексуальным насилием в условиях конфликта

Акты сексуального насилия — не только проблема мира и безопасности. Страны уделяют особое внимание причинам, которые их провоцируют. Соглашаясь с каждой из проблем, страны выделяют одну или несколько особенно острых. Авторам удалось проследить и выделить наиболее часто встречающиеся из них: «1» — стигматизация жертв насилия; «2» — изнасилование; «3» — дети, рожденные в результате изнасилования; «4» — политизация сексуального насилия; «5» — торговля людьми; «6» — внутренне перемещенные лица (ВПЛ); «7» — рабство; «8» — репродуктивное здоровье женщин.

Жертвы/пострадавшие от актов сексуального насилия

В научной литературе активно развиваются дебаты относительно того, против кого направлено сексуальное насилие в условиях конфликта (Brouwer & Ruiz, 2019). Многие государства отходят от традиционного видения только женщин и девочек как жертв, признавая уязвимость мужчин и мальчиков. В повестке дня сегодня возникает вопрос о необходимости обеспечения защиты представителей различных меньшинств. Некоторые страны (Коста-Рика, Ирландия, Бельгия и Канада) открыто выступили в защиту гендерных меньшинств. В настоящем исследовании было выделено пять групп: «8» — женщины и девочки; «7» — женщины и дети; «6» — женщины, девочки, мальчики и мужчины; «3» — гендерные меньшинства; «1» — другие меньшинства. Категория «другие меньшинства» включает в себя этнические и религиозные меньшинства.

Уровень противодействия

В данном разделе анализируется основной уровень действий государств: «8» — национальный или «1» — международный. Следует отметить, что государства не занимают однозначную позицию, так как, безусловно, действия на обоих уровнях имеют решающее значение в контексте решения проблемы сексуального насилия. Это скорее вопрос определения того или иного уровня как приоритетного. Страны, которые делают ставку на национальный уровень, настаивают на первоочередной ответственности правительств за контроль и предотвращение сексуального насилия. Инструментами регулирования могут выступать национальные и судебные органы, правовое регулирование, международное право и т. д. Государства, выделяющие международный уровень, апеллируют к институтам ООН, в том числе миротворческим операциям, другим межгосударственным (региональным) организациям, заявляют о необходимости использования механизма санкций и превентивных мер.

Причины, провоцирующие акты сексуального насилия

С ростом значения превентивных мер государства также стремятся найти причины, провоцирующие рост сексуального насилия. Выделяются следующие проблемы: «1» — безнаказанность; «2» — отсутствие мира и стабильности; «3» — отсутствие образования; «4» — терроризм/экстремизм; «5» — иностранная оккупация (только Иран); «7» — гендерное неравенство; «8» — ложное толкование религиозных догм (только Марокко).

Основные институты в решении проблемы

Последней точкой расхождения стал вопрос об основных институтах, способных эффективно бороться с изучаемой проблемой. Данный вопрос является наиболее противоречивым, по мнению исследователей, так как в некоторых случаях страны основывались на более чем одном институте одновременно.

В этом случае приоритет отдавался тому институту, который был назван делегацией первым. Авторы выделили следующие институты: «1» — гражданское общество и общественные организации; «2» — ООН; «3» — Африканский союз и субрегиональные сообщества; «4» — Интерпол (только Казахстан); «5» — Международный уголовный суд; «6» — национальные суды; «7» — религиозные лидеры; «8» — фонды.

Для определения сходства позиций стран авторы преобразовали все номинальные показатели (y) в числа по шкале от 1 до 8. Страны (x) были закодированы в соответствии с английским алфавитом от 1 до 90. Если какая-либо из переменных y не содержала данных, то она помечалась в базе данных как недоступная (NA, англ. *not available*) и не включалась в анализ.

Авторы выбрали метод кластеризации стран по методу k -средних для нахождения и минимизации общей внутрикластерной вариации. Данный метод определяет общую внутрикластерную вариацию как сумму квадратов расстояний между элементами и соответствующим центроидом. Все расчеты проводились с помощью специализированного программного обеспечения на основе следующей формулы, полученной из стандартного алгоритма Хартигана — Вонга (Hartigan & Wong, 1979):

$$tot.withinss = \sum_{k=1}^k W(Ck) = \sum_{k=1}^k \sum_{x_i \in C_k} (x_i - \mu_x)^2,$$

где k — количество групп, предварительно заданное аналитиком;

x_i — обозначение точки данных, принадлежащей кластеру Ck ;

μ_k — среднее значение точек, отнесенных к кластеру Ck ;

E — евклидово расстояние.

Результаты можно визуализировать в виде кластерной диаграммы, представленной на рис. 2.

Рис. 2. Уровень сближения позиций государств по решению проблемы сексуального насилия в конфликтах
 Источник: составлено авторами.

Полученные на основе проведенного анализа официальных документов кластеры стран отражают государства с наиболее схожими позициями по проблеме сексуального насилия в условиях вооруженного конфликта. Размеры кластеров отражают процент дисперсии (Масштаб 1 (y) представляет номинальные показатели, а Масштаб 2 (x) — государства).

Следует также отметить, что во всем мире страны уделяют большое внимание (а) включению сексуального насилия в санкционный список; (б) гендерному образованию в военной подготовке и увеличению числа женщин в миротворческих и миростроительных миссиях; (в) приоритетности превентивных мер. Приведенная ниже таблица иллюстрирует позиции государств (табл. 2).

Такой интерес к расширению гендерного состава миротворческих операций ООН связан, во-первых, со спецификой стран (многие из них являются крупнейшими поставщиками миротворческого персонала), во-вторых, необходимостью реализации положений резолюции 1325 СБ ООН о расширении политического участия женщин, в том числе в ситуации разрешения конфликтов²², в-третьих, с пониманием того, что существует необходимость защиты гражданского населения не только от вооруженных групп, но и от некоторых представителей миротворческого контингента.

²² Security Council resolution 1325 on Women and peace and security // United Nations and the Rule of Law. 2000. URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/blog/document/security-council-resolution-1325-2000-on-women-and-peace-and-security/> (accessed: 03.09.2022).

Таблица 2

**Группы стран в зависимости
от направленности действий по борьбе
с сексуальным насилием на международном уровне**

Страны, поддерживающие включение сексуального насилия в санкционный список (15)	Страны, поддерживающие включение гендерного образования в военную подготовку и увеличение числа женщин в миссиях по поддержанию мира и миростроительству (29)	Страны, настаивающие на приоритетности превентивных мер (7)
Руанда, Ирландия, Казахстан, Эфиопия, Перу, Италия, Фиджи, Словения, Нидерланды, Мексика, Аргентина, Катар, Канада, Доминиканская Республика, Германия	ОАЭ, Индия (гендерный паритет), Руанда, Чили, Парагвай, Пакистан, Коста-Рика (в процессе планирования операции), Гана, Ирландия, Казахстан, Камбоджа, Кения, Эквадор, Франция, Намибия, Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия, Швеция, Фиджи, Греция (основное гендерное равенство), Мексика, Румыния, Катар, Австралия, Бразилия, Республика Корея, Сербия	Руанда, Эфиопия, Эквадор, США, Египет, Словения, Уругвай

Источник: составлено авторами.

**Сексуальное насилие
в условиях конфликтов в контексте
миротворческой деятельности
МИНУСКА**

Что касается подхода ООН, то изучаемая повестка является многоаспектной проблемой, требующей участия множества субъектов: принимающих стран, страновых и гуманитарных команд ООН, неправительственных организаций и организаций гражданского общества. Департамент операций по поддержанию мира (ДОП) разработал специальную политику для осуществления превентивных и ответных мер в этой области. Основопологающими принципами операций являются «не навреди», конфиденциальность, информированное согласие, учет гендерных

аспектов, подход, ориентированный на жертв/пострадавших, а также обеспечение наилучших интересов ребенка. Там, где эти принципы соблюдаются, специальные действия включаются в оперативные мандаты исключительно в зависимости от ситуации в стране. Департамент определяет общие направления деятельности:

1) профилактику и защиту лиц, подвергающихся риску, совместно с заинтересованными сообществами, включая женские группы;

2) неотвратимость наказания за сексуальное насилие в конфликте, что достигается при координации работы с Группой экспертов;

3) информирование и осуждение актов сексуального насилия путем диалога со сторонами конфликта, национальными властями и гражданским обществом;

4) использование потенциала национальных субъектов для эффективного решения проблемы в тесном сотрудничестве с органами правосудия, правоохранительными и военными органами и организациями гражданского общества;

5) расширение прав и возможностей жертв/пострадавших через политические процессы и направление их на получение поддержки в соответствии с требованиями Гуманитарной рабочей группы²³.

Значительную роль в этом процессе играет созданный институт советников. Советники по защите женщин обеспечивают общее предметное руководство и координацию действий всех соответствующих компонентов миссии по предотвращению и реагированию, включая Институт мониторинга, анализа и отчетности (MARA).

В настоящее время борьба с сексуальным насилием в вооруженных конфликтах включена в деятельность большинства текущих миссий ООН, но некоторые из них имеют более сильный, специальный мандат, например Многомерная интегрированная миссия ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА),

²³ Handbook for UN field missions on preventing and responding to CRSV. New York : United Nations, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2020/06/2020.08-UN-CRSV-Handbook.pdf> (accessed: 05.01.2021).

Временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абее (ЮНИСФА), Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго (МООНСДРК) и Многомерная интегрированная миссия ООН по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА).

29 мая 2020 г. командир миротворцев МИНУСКА К. Монтейро де Кастро Араужо получила награду «Военный гендерный защитник года ООН»²⁴. Она провела комплексные семинары по подготовке инструкторов по гендерным вопросам, защите детей, защите гражданского населения, проблемам сексуального насилия и эксплуатации и надругательства для 53 старших координаторов, что по состоянию на февраль 2020 г. составляет 30 % военнослужащих Миссии, которые уже прошли базовую подготовку, проводимую координаторами²⁵. Учитывая этот успех, авторы решили рассмотреть эту операцию в качестве примера реализации мандата.

Совместное коммюнике ООН и Центральноафриканской Республики было подписано 12 декабря 2012 г.²⁶, став основой для дальнейшего политического взаимодействия по проблеме сексуального насилия в условиях конфликта. На сегодняшний день данная миссия представляет собой пример реализации последовательных усилий по усилению защиты женщин и девочек. В рамках МИНУСКА постоянное сотрудничество со Страновой группой ООН и Группой экспертов по вопросам верховенства права и сексуального

насилия в условиях конфликта²⁷ способствовало созданию в июне 2017 г. национального специализированного подразделения по расследованию случаев сексуального насилия, известного как Совместная группа быстрого реагирования и предотвращения сексуального насилия в отношении женщин и детей²⁸. Эта группа выступает смешанным подразделением, состоящим из жандармов, полицейских и гражданских лиц, и призвана бороться с насилием в отношении женщин и детей. Миссия находится в совместном ведении Министерства юстиции и Министерства общественной безопасности и является частью государственного института, поддерживающего расследование случаев сексуального насилия, поэтому она имеет такое большое значение в рамках борьбы с исследуемой проблемой. На сегодняшний день Миссия получила 341 жалобу, в том числе о 196 случаях сексуального и гендерного насилия. Команда также тесно сотрудничала с партнерами по Глобальному координационному механизму ООН по вопросам полиции, правосудия и исправительных учреждений в постконфликтных и других кризисных ситуациях для создания Специального уголовного суда Центральноафриканской Республики и разработки Правил процедуры и доказывания Суда и Стратегии защиты свидетелей и жертв²⁹.

На институциональном уровне основной механизм оказания помощи пострадавшим включает не только правовую защиту и сбор

²⁴ MINUSCA peacekeeper receives UN Military Gender Advocate of the Year Award // United Nations Peacekeeping. May 29, 2020. URL: <https://minusca.unmissions.org/en/minusca-peacekeeper-receives-un-military-gender-advocate-year-award> (accessed: 03.09.2022).

²⁵ Ibid.

²⁶ Joint Communiqué of the Government of the Central African Republic and the United Nations on addressing Conflict-Related Sexual Violence // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. December 12, 2012. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/joint-communicue/with-the-government-of-the-central-african-republic/> (accessed: 03.09.2022).

²⁷ Teams of Experts Annual Report 2017 // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. August 1, 2017. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/report/team-of-experts-annual-report-2017/> (accessed: 03.09.2022).

²⁸ L'UMIRR, une unité pour faire face aux violences sexuelles en République Centrafricaine // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. Avril 19, 2018. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/lumirr-une-unite-pour-faire-face-aux-violences-sexuelles-en-republique-centrafricaine/> (accessed: 03.09.2022).

²⁹ Teams of Experts Annual Report 2020 // United Nations Office of the Special Representative of the Secretary-General on Sexual Violence in Conflict. May, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/wp-content/uploads/2020/05/2pager2020SPREAD.pdf> (accessed: 03.09.2022).

данных, но и участие военных в целях оказания первой помощи, обеспечения продовольствием, водой, одеждой, а также обеспечение безопасности (с использованием модели трансфера, сопровождения и передачи). Эта часть Миссии также отвечает за создание низовых справочных сетей, и в настоящее время в ней задействовано 14 733 военнослужащих³⁰.

В МИНУСКА сценарии, требующие принятия мер со стороны Миссии, включали инциденты изнасилования на несанкционированном блокпосту, угрозы выжившим и бесчеловечные действия, контроль и безопасность в лагерях ВПЛ / временных лагерях, готовящееся нападение (угроза массового убийства и массового изнасилования) на деревню и похищение, принудительный брак, сексуальное рабство и вымогательство. Такие мероприятия особенно актуальны для данной миссии, где были зафиксированы случаи изнасилования при обыске дома, принудительного аборта, принудительного брака, убийства и похищения, сексуального калечения, калечения женских половых органов, а также сексуального насилия над преступниками³¹.

Миротворческий персонал установил график патрулирования и участия в операциях для женщин и групп со смешанным участием. Это способствует более активному участию женщин и девочек в жизни общества. Можно также предположить, что такой подход способствует укреплению доверия общества к Миссии, поскольку уровень его осведомленности о ситуации указывает на расширение прав и возможностей женщин и укрепление гендерного равенства³².

³⁰ Contribution of Uniformed Personnel to UN by Mission and Personnel Type: Experts on Mission, Formed Police Units, Individual Police, Staff Officer, and Troops As of: 31/05/2022 // UN Peacekeeping. May 31, 2022. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/06_mission_and_post_50_may_2022.pdf (accessed: 03.09.2022).

³¹ Module 1 — MINUSCA: Instructor notes and guidance // United Nations. URL: <https://resourcehub01.blob.core.windows.net/training-files/Training%20Materials/027%20STM-CRSV/027-001%20MINUSCA%20Instructor%20Notes%20and%20Guidances.pdf> (accessed: 03.09.2022).

³² Handbook for UN field missions on preventing and responding to CRSV. New York : United Nations, 2020. URL: <https://www.un.org/sexualviolenceinconflict/>

Обсуждение результатов

В то время как Офис Специального представителя и другие агентства ООН, казалось бы, имеют хорошо отлаженный механизм для решения проблемы сексуального насилия в условиях конфликта, его эффективность может быть снижена из-за концептуальных различий между странами — членами ООН, которые оказывают финансовую и иную поддержку существующим программам.

Во-первых, полученные кластеры определяют три уникальные «позиции государств». Однако на рис. 2 видно, что позиции стран различаются даже в пределах одного кластера, а в некоторых случаях пересекаются (например, позиция Австралии), что указывает на их неоднозначность. Некоторые пункты одинаковы для двух-трех стран. Такие результаты обусловлены прежде всего противоречивой природой исследуемого явления. Выявленные кластеры не связаны напрямую ни с геополитической близостью, ни с участием стран в общей межправительственной организации. Можно отметить существенную гетерогенность позиций членов Европейского союза (ЕС). Страны ЕС неравномерно распределены по категориям 2 и 3, в то время как страны Латинской Америки продемонстрировали различные подходы к данному вопросу. Наиболее крайние позиции занимают Марокко, Дания вместе с Норвегией и Швецией, Эквадор и Иордания, а также Либерия. Таким образом, мы наблюдаем высокий уровень дисперсии, что указывает на допустимость перехода некоторых стран в другие кластеры.

Данный сценарий возможен, но не для всех государств. В каждом из представленных кластеров мы видим «центральную» страну, составляющую ядро кластера. Представляется сложным дать общую характеристику каждой группы из-за высокой дисперсии линий противоречий.

Основополагающие черты первого кластера отражают наиболее «либеральный» подход. Государства данного кластера

<wp-content/uploads/2020/06/2020.08-UN-CRSV-Handbook.pdf> (accessed: 05.01.2021).

склонны подчеркивать необходимость развития механизма санкций. Это относится к заявлению Постоянного представителя Германии при ООН в ее письме от 11 апреля 2019 г. на имя Генерального секретаря ООН, в котором подчеркивается, что сексуальное насилие должно рассматриваться как отдельный критерий при включении лиц и организаций в санкционные списки³³. Этот вопрос широко обсуждался, поскольку любые санкционные меры, в том числе в рамках изучаемого вопроса, должны строго соответствовать мандатам СБ ООН. Это означает, что предлагаемые санкции должны выноситься на рассмотрение Совета в каждом конкретном случае.

Второй кластер является весьма противоречивым, поскольку в нем представлены страны с наиболее расходящимися взглядами. Наибольшее сближение наблюдается на уровне институтов. Страны этого кластера отдают приоритет судебным органам в борьбе с сексуальным насилием.

Третий кластер стран представляет наиболее закрытые подходы. Государства призывают национальные органы власти укреплять законодательство, чтобы способствовать привлечению к ответственности за сексуальное насилие, а в выступлениях представителей встречаются ссылки на активизацию действий на национальном уровне.

Во-вторых, результаты подтверждают наличие противоречий по основному вопросу о природе сексуального насилия. Эти противоречия также способствуют дальнейшей дифференциации позиций относительно методов и механизмов, необходимых для решения проблемы сексуального насилия в вооруженных конфликтах. Тем не менее большинство стран поддерживают позицию ООН и утверждают, что сексуальное насилие является оружием войны.

³³ Letter dated 11 April 2019 from the Permanent Representative of Germany to the United Nations addressed to the Secretary-General // United Nations Digital Library. April 11, 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3800307> (accessed: 03.09.2022).

В то же время голосование по резолюции 2019 г. подтвердило, что существующие противоречия влияют на повестку дня. Два постоянных члена Совета Безопасности, Россия и Китай, воздержались и в ходе дебатов прямо указали на возможность наложения вето³⁴. Кроме того, Россия и КНР подготовили собственный проект резолюции, но считали нецелесообразным выносить его на голосование. Причины такого решения кроются в различиях в подходах и концептуальных основах, использованных в документах, что не позволило двум странам согласовать текст документа. Наиболее существенные противоречия касались расширения специальных мандатов институтов ООН, в то время как некоторые страны (в частности незападные) продвигают идею принятия ответственности на национальном уровне в отношении культурных и религиозных аспектов, включения сексуального насилия как отдельного критерия в санкционный список, а также определения объекта сексуального насилия. Этот факт и результаты исследования вызывают опасения, что противоречия между странами будут только усиливаться и тормозить процесс.

В-третьих, нашим приоритетом было показать, насколько разрозненными были позиции стран. Государства, акцентирующие внимание на слове «преступность», чаще используют судебные институты при разработке стратегии реагирования или профилактики сексуального насилия, в то время как государства, связывающие эту проблему с гендерным неравенством, в первую очередь настаивают на устранении неприемлемых социальных условий, в которых происходит конфликт. Страны руководствовались скорее социально-культурными установками, чем попытками продемонстрировать единство со своими коллегами по организации. Пример Экономического сообщества государств Центральной Африки (ЭСГЦА), ЕС или Группы

³⁴ Security Council resolution 2467 (2019) [on sexual violence in armed conflict] // United Nations Security Council. 2019. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3801531?ln=fr> (accessed: 02.12.2022).

друзей также иллюстрирует этот момент, поскольку некоторые члены решили выразить по ряду вопросов собственные позиции, которые отличаются от «общей позиции». Государства могут расходиться даже в определении самого понятия «сексуальное насилие», от которого напрямую зависит дальнейшая разработка механизма реагирования. Нам удалось проследить тенденцию: государства, изначально рассматривающие проблему как военное или общее преступление, склонны ссылаться на необходимость активизации международных и/или национальных судебных институтов, в то время как государства, акцентирующие внимание на гендерной составляющей проблемы, более склонны доверять международным организациям и подчеркивают необходимость усиления миротворческих инициатив. В то же время сама проблема сексуального насилия подвергается существенной политизации (Agerberg & Kreft, 2020).

Наконец, система превентивных и ответных мер в миротворчестве сегодня достаточно развита и обширна: созданы специальные должности, отрабатываются различные сценарии, собирается статистика. При этом охват реализации такого мандата очень мал. Чем больше сообщений о случаях сексуального насилия в стране, тем больше вероятность включения этой проблемы в повестку дня (Hultman & Johansson, 2017), однако такой подход представляется не совсем уместным, поскольку статистика не может адекватно отразить реальную ситуацию.

Заключение

Полученные результаты позволили нам выявить наиболее инициативные государства в решении проблемы сексуального насилия, связанного с конфликтами. В статье также предпринята попытка выяснить основные точки расхождения в позициях государств, которые тормозят разработку наиболее эффективных контрмер. Эти различия в подходах стран к проблеме являются не просто вопросом политической воли, но и религиозных и культурных составляющих, исторического опыта. Различия прослеживаются в таких фундаментальных вопросах, как трактовка термина, основной уровень реализации ответных мер (национальный или глобальный), объект сексуального насилия, институты (такие как организации гражданского общества, ООН, Африканский союз и субрегиональные сообщества, Международный уголовный суд, национальные суды, религиозные лидеры и фонды). Подход стран и трансформация «коалиций» приводят к изменениям понятийного аппарата в тематических резолюциях СБ ООН, что подтверждает их контент-анализ. Эволюция термина и увеличение количества упоминаний операций ООН по поддержанию мира и миростроительству подтверждают гипотезу о значительной роли операций по поддержанию мира в противодействии проблеме. Результаты кейс-стади (МИНУСКА) показывают, что индивидуальные мандаты позволяют выработать поэтапное решение проблемы на местах.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2021
 Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2022
 Принята к публикации / Accepted: 19.12.2022

Библиографический список

- Agerberg M., Kreft A.-K. Gendered Conflict, Gendered Outcomes: The Politicization of Sexual Violence and Quota Adoption // *Journal of Conflict Resolution*. 2020. Vol. 64, no. 2—3. P. 290—317. <https://doi.org/10.1177/0022002719859651>
- Bove V., Ruggeri A. Kinds of Blue: Diversity in UN Peacekeeping Missions and Civilian Protection // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46, no. 3. P. 681—700. <https://doi.org/10.1017/S0007123415000034>
- Brouwer A., Ruiz L. Male Victims and Female Perpetrators of Sexual Violence in Conflict // *Gender and War: International and Transitional Justice Perspectives* / ed. by S. Mouthaan, O. Jurasz. Cambridge : Intersentia, 2019. P. 169—208. <https://doi.org/10.1017/9781780688466.008>

- Buss D.* Seeing Sexual Violence in Conflict and Post-Conflict Societies: The Limits of Visibility // *Sexual Violence in Conflict and Post-Conflict Societies* / ed. by D. Buss, J. Lebert, B. Rutherford et al. New York : Routledge, 2017. P. 3—28. <https://doi.org/10.4324/9781315772950>
- Cohen D. K.* Explaining Rape during Civil War: Cross-National Evidence (1980—2009) // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, no. 3. P. 461—477. <https://doi.org/10.1017/S0003055413000221>
- Copelon R.* Toward Accountability for Violence against Women in War: Progress and Challenges // *Sexual Violence in Conflict Zones: From the Ancient World to the Era of Human Rights* / ed. by E. D. Heineman. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2011. P. 232—256. <https://doi.org/10.9783/9780812204346.232>
- Eboe-Osuji C.* International Law and Sexual Violence in Armed Conflicts. Leiden : Brill, 2012. <https://doi.org/10.1163/9789004227224>
- Green A. H.* The Commander’s Dilemma: Creating and Controlling Armed Group Violence // *Journal of Peace Research*. 2016. Vol. 53, no. 5. P. 619—632. <https://doi.org/10.1177/0022343316653645>
- Gutiérrez-Sanín F., Wood E. J.* What Should We Mean by “Pattern of Political Violence”? Repertoire, Targeting, Frequency, and Technique // *Perspectives on Politics*. 2017. Vol. 15, no. 1. P. 20—41. <https://doi.org/10.1017/S1537592716004114>
- Hartigan J. A., Wong M. A.* Algorithm AS 136: A K-means Clustering Algorithm // *Journal of the Royal Statistical Society. Series C (Applied Statistics)*. 1979. Vol. 28, no. 1. P. 100—108. <https://doi.org/10.2307/2346830>
- Hultman L., Johansson K.* Responding to Wartime Sexual Violence: UN Peacekeeping and the Protection Agenda // *Global Responsibility to Protect*. 2017. Vol. 9, no. 2. P. 129—146. <https://doi.org/10.1163/1875984X-00902002>
- Hultman L., Kathman J., Shannon M.* United Nations Peacekeeping and Civilian Protection in Civil War // *American Journal of Political Science*. 2013. Vol. 57, no. 4. P. 875—891. <https://doi.org/10.1111/ajps.12036>
- Johansson K., Hultman L.* UN Peacekeeping and Protection from Sexual Violence // *Journal of Conflict Resolution*. 2019. Vol. 63, no. 7. P. 1656—1681. <https://doi.org/10.1177/0022002718785003>
- Karim S., Beardsley K.* Ladies Last: Peacekeeping and Gendered Protection // *Gender, Peace and Security: Implementing UN Security Council Resolution 1325* / ed. by L. Olsson, T.-I. Gizelis. London : Routledge, 2015. P. 62—95. <https://doi.org/10.4324/9781315755694>
- Kathman J. D., Wood R. M.* Stopping the Killing during the “Peace”: Peacekeeping and the Severity of Postconflict Civilian Victimization // *Foreign Policy Analysis*. 2016. Vol. 12, no. 2. P. 149—169. <https://doi.org/10.1111/fpa.12041>
- Kreft A.-K.* Responding to Sexual Violence: Women’s Mobilization in War // *Journal of Peace Research*. 2019. Vol. 56, no. 2. P. 220—233. <https://doi.org/10.1177/0022343318800361>
- Kreft A.-K.* The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // *International Peacekeeping*. 2016. Vol. 24, no. 1. P. 132—158. <https://doi.org/10.1080/13533312.2016.1195267>
- Wood E. J.* Conflict-Related Sexual Violence and the Policy Implications of Recent Research // *International Review of the Red Cross*. 2014. Vol. 96, no. 894. P. 457—478. <https://doi.org/10.1017/S1816383115000077>
- Wood E. J.* Sexual Violence during War: Toward an Understanding of Variation // *Order, Conflict, and Violence* / ed. by S. Kalyvas, I. Shapiro, T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 321—351. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511755903.014>

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru
Андропова Анастасия Романовна — соискатель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; ORCID: 0000-0001-6598-0941; e-mail: andronova-ar@rudn.ru